

Наделяя Верховный Собор такими полномочиями, Пестель выражал надежду, что именно он сможет удерживать Народное Вече и Державную Думу в рамках законности. Поскольку же Пестель придавал большое значение этому органу как гаранту соблюдения законности, то предполагалось, что места там займут наиболее авторитетные и уважаемые граждане страны.

Весьма интересны рассуждения Пестеля по поводу реализации принципа разделения властей. Он посчитал его достаточным только в том случае, если будет проведено четкое разграничение компетенции каждой из властей. Пестель высказал предположение, что «определение круга действий» каждой власти, позволит более предметно поставить вопрос о судебной ответственности всех, облеченных властными полномочиями лиц, за выполнение

возложенных на них обязательств. Присвоение каждому государственному органу или лицу точно определенных и неизменных функций предоставит возможность контролировать деятельность всех властей в государстве [1, с. 214].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Восстание декабристов: Материалы. Т. VII. / Под ред. М.В. Нечкиной. М.: Госполитиздат, 1958. 692 с.
2. Нечкина М. В. Декабристы. М.: Наука, 1975. 182 с.
3. Пестель П.И. Русская Правда. СПб.: Культура, 1906. 244 с.
4. Прозорова Н.С. Конституционно-правовые взгляды П.И. Пестеля // Советское государство и право. 1981. №5. С. 110-118.

CONSTITUTIONAL PREKTE P.I. PESTEL «RUSSIAN TRUTH» ABOUT POLITICAL AND LEGAL ARRANGEMENT NEW RUSSIA

© 2013

*S.A. Rubanik, graduate
 Togliatti State University, Togliatti (Russia)*

Annotation: The main provisions of the constitutional doctrine of P.I. Pestel concerning political and legal arrangement of the new Russia - his idea of the form of government and the organization of the supreme bodies of state power.

Keywords: history of state-legal doctrines, Russia, the first quarter of the XIX century, the Decembrists, the constitutional project, P.I. Pestel, Russian Truth, the form of government, the supreme bodies of state power.

УДК 340.1

НАКАЗАНИЕ И ТАЛИОН В СИСТЕМЕ СТАНОВЯЩЕЙСЯ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ И КРИЗИСНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ

© 2013

*С.Л. Слободнюк, доктор филологических наук, доктор философских наук, профессор,
 Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры философии
 Магнитогорский государственный университет, Магнитогорск (Россия)*

Аннотация: В статье исследуется «бытие» талиона в его отношении к диалектической оппозиции «правовая реальность-правосознание». Автор доказывает, что в кризисные периоды принцип собственно возмездия, преобладает над принципом возмездия равным за равное и создает основания для морального оправдания «двоемыслия» в области, где происходит актуализация принципов «nullum crimen sine poena, nulla poena...» etc.

Ключевые слова: кризис, наказание, правовая реальность, правосознание, талион.

С момента крушения СССР общественное сознание так и не пришло к гармонии: об этом недвусмысленно свидетельствует множество фактов, начиная с апатичного отношения российского общества к разрушению государственного языка и заканчивая небрежением властей к строителям финансовых пирамид. Кризисные потенции общественного сознания находят соответствующее воплощение в различных областях общественного бытия, в том числе и в той, онтологическим центром которой выступает необходимо связанное с правосознанием право. Это означает, что современная правовая реальность являет собой феномен, чьи бытийные основания постоянно изменяются под влиянием процессов, зачастую имеющих деструктивную природу.

Учитывая данное обстоятельство, я попытаюсь предложить несколько наблюдений, которые, возможно, позволят нам немного приблизиться к пониманию того, какую роль в современной правовой реальности играют элементы, без коих не обходилась ни одна правовая реальность прошлого: наказание и один из фундаментальных принципов его применения — талион.

Историческая ретроспектива показывает, что с момента становления первичных правовых реальностей, чьи основные черты зафиксированы в древних письменных источниках, именно талион выполнял роль главного «стабилизатора», обеспечивая устойчивое развитие структуры правового универсума. Доказательство этого тезиса обнаруживается в древних мифах, законах Хаммурапи, законодательстве Моисеевом, Зенд-Авесте, Ведах и Упанишадах и т. д.

Кроме того, как справедливо указывает Р. Апресян,

«на основе известного анализа талиона, можно уточнить характеристики этого императива <...> как права талиона» [1, с. 142]. Таковых, по мнению исследователя, шесть: 1) «талион — это правило, регулирующее реактивные действия. В отличие от исторически близкой ему заповеди любви, он ничего не говорит о том, какими должны быть инициативные действия»; 2) «регулируемые талионом ответные действия направлены на наказание нарушителя справедливости, либо на тех, кто вправе отвечать за разрушителя»; 3) «по своему содержанию действия, регулируемые талионом, обращаемы, или взаимны. Посредством обращаемости, или взаимности утверждается равенство»; 4) «талион не только направлен на восстановление поправной справедливости, он требует соблюдения справедливости и в наказании нарушителя.

Требую возмездия, талион ограничивает меру возмездного действия критерием адекватности преступлению и нанесенному ущербу. Указывая на непереносимость ответных действий в случае нарушения справедливости, он предполагает и наказуемость несправедливости в наказании»; 5) «самим фактом своего существования талион угрожает, и в угрозе заключается его основная санкция»; 6) «стандарт справедливости, предполагаемый талионом, — ситуативен в своем приложении, однако как принцип действия он надсубъективен и универсален» [1, с. 142].

В дополнение к последней тезису, можно отметить, что, к примеру, святоотеческая традиция дает интереснейшие примеры осмысления талиона в довольно неожиданном ракурсе. Так, в толкованиях Василия Великого мы читаем: «И сотворил Бог человека по образу Своему. <...> Чтобы никто по незнанию не подумал, что определением

„человек“ обозначается только мужской пол, [Писание] добавляет: *мужчину и женщину сотворил их* (Быт. 1:26). Жена наравне с мужем имеет честь быть сотворенной по образу Божию. Природа того и другого равночестна, равны их добродетели, равны награды, одинаково и возмездие» [2]. Как видим, в ходе решения умозрительного вопроса о том, была ли задумана в момент творения некая дифференциация одушевленных существ, Василий Великий обозначает онтологические основания принципа «равным за равное», затем и воплотившегося в талионе.

Основываясь на последнем примере, мы, казалось бы, должны согласиться с правомерностью следующего утверждения Р. Апресяна: «Анализ Ветхого Завета свидетельствует о внутренней эволюции талиона — от обуздания стихии мести и разгневанной силы (Быт. 4:14–15, 24; 9:5–6; 21:12–37) до великодушной и почти прощающей снисходительности к нарушителю порядка (Лев. 19:18; Пр. 24:29; 26:27), тем более к случайному нарушителю» [1, с. 142]. И уж тем более не должен вызывать сомнения тезис о том, что «уже книги Пророков позволяют предположить в перспективе к Новому Завету, что эта эволюция ведет к смене не только ценностного состава поведенческих регулятивов, но возникновению новых способов упорядочивания поведения. Эта эволюция представляется естественно завершающейся возникновением государственно санкционированных институтов права для регулирования поведения в общественной (публичной) сфере и этики золотого правила и заповеди любви для регулирования в личной (частной) сфере» [1, с. 142–143]. Тем более что сам Р. Апресян, завершает свое рассуждение словами, снимающими излишнюю категоричность предшествующих утверждений: «Вопрос заключается в том, что становится с талионом или что остается от талиона при такой эволюции? Происходит ли его окончательное замещение новыми правилами и способами регуляции поведения или он только оттесняется на периферию сложного устройства регулятивной машины общества?» [1, с. 143].

Однако обращение к библейскому контексту способно поколебать нашу уверенность в правомерности этих построений, а перенос общетеоретических выкладок на практический уровень заставляет пересмотреть корректность самой постановки вопроса об оттеснении и замещении талиона.

Спустившись на уровень обыденности, можно без особых усилий установить, что здесь налицо постоянное взаимодействие талиона в качестве базового принципа правовой реальности и ряда классических, но все-таки *привнесенных*, принципов, а именно — «Nullum crimen sine poena, nulla poena sine lege, nullum crimen sine poena legalis». Кроме того, вряд ли требуется многословно доказывать, что отмеченное взаимодействие развивается по двум направлениям.

Взаимодействие в первом направлении происходит на всех этапах генезиса правовой реальности и не содержит в себе деструктивных потенциалов. Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться к ветхозаветной истории, конкретнее — к моменту Эдемской катастрофы: «Не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть? <...>».

И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоём, и будешь есть прах во все дни жизни твоей; и вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее <...>».

Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рожать детей; и к мужу твоему влечение твоё, и он будет господствовать над тобою. Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастят она тебе; и будешь питаться полевой травой; в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах

возвратишься» (Быт., 3:11–19). С точки зрения права гневные слова Яхве, обращенные к прародителям, представляют собой недвусмысленную развернутую декларацию идеи о том, что *нет преступления без наказания*; причем, *талионический компонент* присутствует практически в каждом пункте божественного приговора.

Непреложность принципа *nullum crimen sine poena* чуть позже закрепляется судьбою Каина, а затем находит развитие во всей ветхозаветной истории. Что касается постулатов *нет наказания без закона* и *нет преступления без законного наказания*, то они достаточно четко прописаны в законодательстве Моисеевом (см., напр., Лев., 20:1–27). При этом в основе наказания, как правило, легко обнаруживается уже не талионический компонент, а *принцип талиона*: «Кто ляжет с теткою своею, тот открыл наготу дяди своего; грех свой понесут они, бездетными умрут.

Если кто возьмет жену брата своего: это гнусно; он открыл наготу брата своего, бездетны будут они» (Лев., 20:20–21). Вывод, как мне кажется, совершенно предсказуем: одной из основных функций талиона изначально было обеспечение гармонии в отношениях между абсолютными основаниями правовой реальности и их проявлениями (как необходимыми, так и случайными).

Развитие событий во втором направлении дает несколько иную картину. Это вполне объяснимо в первую очередь тем, что подобное развитие становится возможным только в периоды мировоззренческих кризисов и сопутствующих им кризисов правосознания. Чтобы сохранить объективность исследования, останемся в рамках библейского контекста и рассмотрим известный эпизод новозаветной истории, а именно — историю о гибели Анания и Сапфиры: «Некоторый же муж, именем Анания, с женою своею Сапфирою, продав имение, утаил из цены, с ведома и жены своей, а некоторую часть принес и положил к ногам Апостолов. Но Петр сказал: Анания! Для чего ты допустил сатане вложить в сердце твое мысль солгать Духу Святому и утаить из цены земли? Чем ты владел, не твое ли было, и приобретенно продажею не в твоей ли власти находилось? Для чего ты положил это в сердце твоём? Ты солгал не человеку, а Богу. Услышав сии слова, Анания пал бездыханен; и великий страх объял всех, слышавших это. <...> Часа через три после сего пришла и жена его, не зная о случившемся. Петр же спросил ее: скажи мне, за сколько ли продали вы землю? Она сказала: да, за столько. Но Петр сказал ей: что это согласились вы искусить Духа Господня? вот, входят в двери погребавшие мужа твоего; и тебя вынесут. Вдруг она упала у ног его и испустила дух» (Деян., 5:1–5, 7–10).

По форме своей случай, описанный в «Деяниях святых апостолов», демонстрирует уже известную нам гармонию между талионом и тремя «nullum». Однако, обратившись к авторитетному библейскому комментарию, мы увидим, что дело обстоит иначе: 1) «Само по себе *утаение* истины составляло неблагоприятный поступок. Но здесь оно являлось еще более преступным, потому что Анания говорил, что принес *все*»; «таким образом, вместо правдивости и искренности тут являются в святое общество христианское два наиболее противных ему качества — фарисейское лицемерие и иудино сребролюбие»;

2) «в поступке Анания Петр раскрывает дело сатаны <...>, почему и предупреждает вторжение этого столь опасного зла столь решительно и строгою мерою. Возможно, что своекорыстие, ложь и лицемерие проявились в Анании и Сапфире не без предварительного тайного развития их, как и в Иуде»;

3) «утаение цены села здесь трактуется, как ложь Духу Святому, потому что Петр и прочие апостолы, как предшественники Церкви, были по преимуществу носители и органы Духа Святого»;

4) «своим имением Анания мог распорядиться как ему угодно», «и если Анания решил его продать, то опять-таки деньги были в полном его владении <...>. Ни то, ни другое <...> не имеет тут такого значения, как то, что, принес лишь *часть* денег, он представляет эту часть за *всю*

вырученную сумму);

5) «*не человеку солгал, но Богу...*» <...>. Ложь пред *Духом Св.* есть, таким образом, ложь пред *Богом*; «... „Анания пал бездыханен...“ <...> Это был не естественный нервный удар от сильного потрясения <...>, а чудесное непосредственное наказание Божие преступнику. <...> Тяжесть наказания соразмерна тяжести вины преступника против Духа Св., так как это грех Иудин, грех притом грозивший опасностью целому обществу и потому требовавший примерной кары, „чтобы казнь двоих была наукой для многих“ — (Иероним);

6) «в страхе или, может быть, торопливости <...> или, лучше сказать, по Божественному устроению, <...> <Сапфира — С. С.> не извещается о происшедшем и является, как соучастница греха мужа, разделить и его наказание» [3, с. 36–38].

Что мы видим в этих рассуждениях? Мы видим, как экзегеза приравнивает проступок жадноватых супругов к... нарушению заповеди о лжесвидетельстве на ближнего своего (см. Исх., 20:16), после чего, проведя аналогии между мотивами данного «преступления» и мотивами преступления Иуды, обвиняет Ананию с Сапфирой уже в *лжесвидетельстве перед божеством* и, таким образом, полностью оправдывает кару, которая их постигла.

Присутствует ли в разбираемом эпизоде принцип талиона? Безусловно, присутствует. Но возможно ли оправдать его применение в современной «Деяниям...» правовой реальности? Я думаю, что невозможно. Как было показано ранее, принципы «*nullum crimen sine poena, nulla poena sine lege, nullum crimen sine poena legāli*» благополучно функционировали в библейском правовом континууме задолго до того, как они были сформулированы римским правом. Поэтому следует признать, что *такое* наказание Анании с супругой никак не вписывается в соответствующее правовое поле.

Обратим внимание на три момента: 1) проступок новоявленных христиан переводится в разряд преступления *по аналогии*; 2) в новозаветном тексте открыто говорится о *праве Анании свободно распоряжаться собственностью*; 3) законность свершившейся кары, по сути, обосновывается той же аналогией, что и преступность деяния неопитов. Отсюда вывод — в рассмотренном случае талион выступает единственным *принципом существования* новой правовой реальности, актуализируя в ней прежде всего свои карательные потенции.

С учетом выявленных обстоятельств можно заключить, что вопросы о том, 1) возможно ли *окончательное замещение талиона новыми правилами и способами регуляции поведения* или 2) он *только оттесняется на периферию сложного устройства регулятивной машины общества?* — имеют довольно мало шансов на положительный ответ. Как показывает новозаветная история, отражающая период жесточайшего кризиса древнего мировоззрения и правосознания, талион ничем не замещается и никуда

не оттесняется. Напротив, он карательной сутью своей входит в активное противоречие с действующим правовым полем, и в итоге мы видим, как принцип *собственно возмездия*, преобладая над принципом возмездия *равным за равное*, создает основания для морального оправдания «двоемыслия» в области, где происходит актуализация принципов *nullum crimen sine poena, nulla poena sine lege* etc.

Однако какое отношение все, сказанное выше, имеет к современному состоянию правосознания и правовой реальности? На мой взгляд, непосредственное, поскольку события многовековой давности явно находятся в генетическом родстве с событиями последних десятилетий.

Новозаветная история описывает разрушение традиционной системы ценностей, экспансию новой морали и их конфликт со старым законодательством. — Но разве не то же самое недавно происходило в новой России?..

Новозаветная история показывает, как незыблемый принцип, много веков служивший установлению справедливости, становится основанием *другой* справедливости, странным образом совмещающей в себе проповедь всеобщей любви и *без-законие* по отношению к ближнему.

Однако, для современной России вполне обыденна ситуация, в которой декларация общечеловеческих ценностей гармонично сочетается с правовыми установлениями, превращающими жизнь определенных социальных групп в существование.

Впрочем, ожидать чего-то иного вряд ли стоило. Конечно, общественное бытие определяет общественное сознание, хотя в определенный момент определяющим становится уже влияние последнего.

В диалектической же оппозиции «правосознание/правовая реальность» правосознание выступает в качестве первичной сущности, но — парадоксально восприимчивой к сторонним влияниям. А поскольку в настоящий момент движущими силами *этой* области универсума нередко выступают не абстрактные противоположности, а вполне конкретные человеческие притязания, вероятность реализации «апостольского сценария» остается достаточно высокой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Р. Г. *Jus Talionis* в трактате Гуго Гроция «О праве войны и мира» // Этическая мысль: Вып. 3. — М.: ИФ РАН, 2002. — С. 139–165. URL: http://iph.ras.ru/elib/EM3_7.html (дата обращения 28.02.2013 г.).
2. Василий Великий. *Беседа первая о сотворении человека по образу* // Василий Великий. Творения: В 2 т. — М.: Сибирская благовонница, 2008. — Т. 1. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=572985 (дата обращения 28.02.2013 г.).
3. Глаголев А. А. [Комментарий «Деяний Святых Апостолов»] / Толковая Библия: В 12 т. Репр. изд. 1904–1913 гг. — Стокгольм, 1987. — Т. 10. — С. 3–204.

THE PUNISHMENT AND TALION IN SYSTEM OF BECOMING LEGAL REALITY AND CRISIS LEGAL CONSCIENCE

© 2013

S.L. Slobodnyuk, doctor of philosophy science, doctor of philology science, professor, Honoured science worker of russian federation, professor of philosophy department *Magnitogorsk State University, Magnitogorsk (Russia)*

Annotation: In article «being» of talion in its relation to dialectic opposition «legal reality-legal conscience» is investigated. The author proves that during the crisis periods the principle of punishments proper prevails over the principle of punishment equal for equal and creates the bases for a moral justification of «doublethink» in area where the updating of the principles of «*nullum crimen sine poena, nulla poena...*» etc. occurs.

Keywords: crisis, legal reality, legal conscience, punishments, talion.